

РАДИОСТАНЦИЯ

РАДИО-АЛИСА

18+

Григорий Кудряшов

Радио-Алиса

Серия «Рассказы, короткие книги и прочее», книга 2

<https://litres.ru/74059849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса живёт в ленинградской коммуналке 1920-х, где тишина гуще холода, а единственный голос — из старого приёмника отца. Она мечтает стать диктором. Её замечает Виктор Сергеевич — человек с холодной властью, для которого она — «чистый лист». Андрей, сын чекиста, пытается предупредить, но поздно.

В кабинете Виктор Сергеевич закрывает дверь. Алиса хватается револьвер. Выстрел обрывает чужую жизнь и её мечту. Она бежит, но система уже запущена: приказ о ликвидации подписан. Её тело находят у Обводного канала. Спустя годы Андрей находит в архиве папку с пометкой «Ликвид. проведена». Он узнаёт правду и скормливает бумаги ветру над Невой.

Эфирная тишина после выстрела — лишь предвестник долгой пустоты. И только радиолюбители в редкие ночи ловят странный сигнал — эхо короткой, яркой волны 1925 года.

Григорий Кудряшов

Радио-Алиса

«РАДИО-АЛИСА»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тишина в коммуналке была особая, густая, как холодец на подоконнике. Она не жила, а копилась — в рытвинах скрипучего паркета, в занавесках из ситца, отдающих пылью и мышей, в мокрых портянках, развешанных за ширмой у деда Степана. Алиса знала, что это обман. Стоило приложить ухо к розетке в стене, к батарее, к водопроводной трубе — и мир наполнялся гулом, скрежетом, бормотанием. Город не молчал. Он переваривал свою новую жизнь.

Но настоящий звук пришел к ней через эфир.

Приемник отца, «Сименс», стоял на комодe под выцветшим покрывом, как домашняя икона. Трогать его запрещалось. Мать, Анна Васильевна, крестилась при одном виде черной лакированной коробки с паутиной трещин на боку: «Найдут — и нас, и его косточки в земле не успокоятся». «Его» — это отец, инженер с «Сименса» же, умерший в голодном восемнадцатом.

Алиса трогала. Каждый вечер, когда мать уходила на ночную смену в артель «Красная швея», она снимала покрыва-

ло, подключала к батарейкам, собранным из шести кружков, и ловила голоса.

В тот вечер из шума и свиста, как призрак из тумана, проступил баритон: «...Говорит Москва! Передаем окончание концерта по заявкам рабочих завода «Серп и Молот»...»

Алиса замерла на табуретке, обхватив колени. Не слова были важны, а сам голос. Он был ровным, как поверхность темного озера, и холодным, как сталь. Он ничего не просил, не жаловался, не смеялся. Он вещал. И в этом была гипнотизирующая сила.

— Так, — шепнула она себе, закрывая глаза. — Дыши глубже. Спина прямая. Звук должен идти отсюда... — Она положила ладонь на солнечное сплетение.

Она пыталась повторить, подражая интонациям, но ее собственный голос, еще не сформировавшийся, срывался на визг или уползал в нос. Она злилась, кусала губу, начинала снова.

— «Вре-е-мя!» — бубнил москвич. — «На часах — де-е-вять!»

— «Вре-мя! На часах — девять!» — отчеканила Алиса, стараясь загнать звук в грудь.

Из-за тонкой перегородки послышался стук костыля. Дед Степан, бывший фельдфебель, прошедший три войны и теперь воюющий с радикулитом и новой властью, заворочался.

— Опять чертово жужжание! И голоса! Безголовые по ночам говорят! Уймись, привидение!

Алиса быстро выключила приемник, накрыла его. Тишина, густая и липкая, снова влилась в комнату. Но внутри у нее все еще вибрировало. Как тот голос. Она подошла к окну, отодвинула занавеску. Напротив, в окне дома-коммуны, горел свет. Там жил новый, Андрей. Сын «ответственного».

Она видела его днем во дворе. Он стоял отдельно ото всех, курил папиросу, смотрел не на играющих в лапту ребят, а куда-то поверх крыш, на северо-восток. Туда, откуда он приехал. В его глазах была не привычная для здешних мальчишек нагловатая тоска, а тяжелая, взрослая усталость. Как у деда Степана, только без злости.

«Он тоже слышит шум в трубах», — вдруг подумала Алиса.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Набережная Мойки пахла рыбой и известкой. Андрей прислонился к гранитному парапету, чувствуя холод камня даже через поношенную гимнастерку. Ленинградский холод был другим — сырым, пронизывающим, вездесущим. Не как в Хабаровске, где мороз стоял стеной, но зато был честен и ясен.

— Ты здесь потому, что тебе тихо? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. Алиса. На ней было старенькое, но чистое платье, на плечи накинут клетчатый плед — явно из домашней раздербанной юбки. Она смотрела на него не как дев-

чонки в школе — с любопытством и опаской, — а как равный. Как на союзника по несчастью.

— Мне тут шумно, — честно сказал Андрей. — Постоянный гул. Как в улье перед грозой.

Она кивнула, как будто он сказал что-то мудрое и очевидное.

— Это город говорит. Скрипом трамваев, криками газетчиков, падением кирпичей. А ночью — голосами из эфира.

— Из чего?

— Из радио. — Ее глаза загорелись. — Ты слышал когда-нибудь?

Он пожал плечами. На Дальнем Востоке радио было редкостью, почти мифом. Отец, Николай Петрович, говорил о нем как об оружии: «Прибор для идейного охвата масс».

— Я слышала. Голос из Москвы. Он... он как пуля. Точный, быстрый, неотвратимый. Я хочу так.

Андрей рассмеялся, но не со зла. Ее серьезность была смешной и прекрасной.

— Читать сводки? «Урожайность повысилась, план перевыполнен»?

— Не только. Стихи. Пьесы. Рассказы. Можно голосом сделать так, чтобы люди плакали или смеялись. Представляешь?

Он представил. Представил не ее голос по радио, а ее здесь, на набережной, говорящую о чем-то невозможном с горящими глазами. И ему стало тепло вопреки сырому вет-

ру.

— Мой отец... — начал он и сразу закусил язык. Говорить об отце, о его связях было опасно. Это пахло блатом, привилегиями, всем тем, что он ненавидел в этом новом, строго рассчитанном мире. Но он видел, как она сжала края пледа на груди, будто защищая свою мечту от холода. И слово вырвалось само: — Он может помочь.

Алиса вздрогнула.

— Не надо. Я сама. Я пойду и...

— Куда пойдешь? — Андрей горько усмехнулся. — На радиостанцию? Тебя швейцар не пустит дальше парадной. Там все по знакомству. Или по разнарядке.

Он видел, как ее лицо окаменело от обиды и правды.

— Поэтому, — сказал он тихо, глядя в темную воду, — если хочешь, я попрошу. Один раз. Только зайти, попробовать. Дальше — сама.

Молчание затянулось. Мимо прошел милиционер, звякнув шпорой. Они оба невольно отвернулись.

— Хочу, — прошедшим шепотом сказала Алиса.

— Тогда завтра. После шести. Песочная улица, дом пять. Скажешь, что от Волкова.

Он оттолкнулся от парапета и пошел прочь, не прощаясь. Сердце колотилось как бешеное. Он только что совершил предательство. Предал свои принципы, используя сыновний статус. Но ради чего-то большего, чем принципы. Ради того, чтобы свет в ее глазах не гас.

Он не обернулся, но знал, что она стоит и смотрит ему вслед.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Дом на Песочной не был похож на завод или учреждение. Это был бывший особняк, облезлый, но сохранивший остатки чудовищного, по новым понятиям, величия. Кариатиды под крышей держали на головах слой копоти. Алиса, подбравшись сюда после школы, стояла у тяжелой дубовой двери, чувствуя, как колени подкашиваются. На ней было то самое лучшее платье, волосы убраны в тугой пучок, как у телефонистки.

Она толкнула дверь.

Внутри был не двор, а царство звуков. Откуда-то сверху, через открытые окна второго этажа, лилась разбитая, надтреснутая скрипка. Кто-то кричал: «Петров, неси провод, эфир через десять!» Девушка в красной косынке пронесла мимо стопку бумаг, даже не взглянув на нее. Воздух пахл озоном, машинным маслом и старой книжной пылью.

— Тебя к кому? — Из будки швейцара вышел старик в форме без погон.

— Я... мне сказали... на прослушивание. От Волкова.

Лицо швейцара изменилось. Исчезла сонная важность, появилась служебная прыть.

— А, к Виктору Сергеевичу. На второй. Лестницей направо. Кабинет в конце, под часами.

Лестница скрипела. Сердце Алисы билось в горле. Дверь в конце коридора была приоткрыта. Она постучала.

— Войдите!

Кабинет был огромен. Высокие окна в пол, затянутые сеткой от мух. На стене — карта Союза, испещренная флажками, символизирующими радиовышки. За массивным письменным столом сидел человек.

Виктор Сергеевич был не старым и не молодым. Лет сорока. Темные, тщательно зачесанные назад волосы, гладко выбритое лицо, прямой, почти аристократический нос. Но главное — глаза. Светло-серые, очень внимательные, они обмерили Алису с ног до головы за долю секунды, приняли информацию, проанализировали и выдали результат: мягкую, ободряющую улыбку.

— Алиса? Я тебя ждал. Прошу, садись. — Его голос был низким, приятным, без московской стальности, но с такой же неоспоримой властью. Он не кричал, и весь шум за дверью казался немым.

Алиса села на краешек стула.

— Николай Петрович говорил о тебе. Говорит, у девочки — мечта. А мечта, знаешь, в наше время — это почти что стратегический ресурс. — Он откинулся в кресле, закурил папиросу в длинном мундштуке. — Что ты умеешь?

— Читать, — выдохнула Алиса.

— Все умеют читать. Ты умеешь звучать?

Он встал, подошел к стене, снял со стойки странный при-

бор с металлической сеткой на конце — микрофон. Подключил его к небольшой черной коробке с лампочкой.

— Это — заглушка. Звук не идет в эфир, только на монитор. Прочти что-нибудь.

Он протянул ей свежий номер «Ленинградской правды». Передовая статья: «О повышении производительности труда в свете решений XIV съезда».

Сухой, канцелярский текст. Смерть для голоса. Алиса взяла газету дрожащими руками. Вдохнула. Вспомнила голос из «Сименса». Не проси, не жалуйся. Вещай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.